

The background is a vibrant space scene. On the left, a large, bright sun with a fiery orange and yellow surface is partially visible. In the upper center, a blue planet is shown. To its right, a greyish planet is visible. Below these, a cluster of brown, rocky asteroids is scattered. In the lower left, a large, dark blue planet with some lighter patches is shown. In the lower right, a reddish planet is visible. The foreground is dominated by the dark, cratered surface of the moon, which is illuminated from the left, creating a gradient of light and shadow across its surface.

Саша У

Один корнет, или Зеркало
Космоса

16+

Саша У
Один корнет, или
Зеркало космоса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64286232

SelfPub; 2021

Аннотация

Человечество покоряет космос и не знает проблем. Единственный дефицит, который испытывает общество – это нехватка рабочих мест. Жизнь проста и безопасна. Молодой инженер Игорёк чистит воздухозаборники атмосферных климат-контроллеров и мечтает о подвигах. Он ссорится с любимой девушкой и отправляется в Космодом – станцию шахтёров, разрабатывающих пояс астероидов.

Саша У

Один корнет, или Зеркало космоса

*Один корнет задумал славу
В один присест добыть в бою,
На эту славу, как на карту,
Решил поставить жизнь свою.
Песня из к/ф «Соломенная шляпка».*

Воздухозаборник атмосферного климат-контроллера прикрывала техническая решётка, крепившаяся четырьмя болтами. Два из них повисший на страховке Игорёк едва не упустил с трёхкилометровой высоты. Дело обычное, запаска с собой есть, но писать объяснительные в отдел охраны окружающей среды... Замучаешься. Игорёк привычный: болты подхватил, прилепил на магнитный браслет. Заглянул в зев воздухозаборника. Ага, пора чистить. Опять всякой дряни насосало: листья, перья, щепки, мятый пластиковый пакет – привет от далёких предков. Даже удивительно, как это всё на такую высоту поднимается.

Лучше убрать мусор сейчас, пока он не забил фильтры.

Робот справился бы с чисткой минут за десять. Техник-наладчик возился двадцать и ещё десять ставил решётку на место, опять чуть не упустив болт. Прямо в ухо противно

пищал зуммер, напоминая, что руководство не приветствует переработки.

Упрямые болты встали на своё место, Игорёк поспешил к башне – опоре климат-контроллера. В техническом лифте молодой инженер отметил в учётке объём выполненных работ и закрыл смену. Полчаса пути от верхушки башни до проходной ему не оплатят. Но лучше так, чем потеть в кабинете штатного психолога и доказывать, что не трудоголик. Увлечённость работой – первый признак душевного неблагополучия и стремления уйти от реальности.

Раздевалка пустовала, коллеги уже разбежались. Игорёк опять уходил с работы последним. Он отправил лёгкий скафандр для работы в верхних слоях тропосферы в чистку, поставил баллоны с кислородом на подзарядку. Погладил на прощание шлем, который Лора почему-то называла хундсхугелем. И отправился по привычному маршруту: бассейн – вечер с любимой девушкой – дом.

Огромный фитнес-центр не был заполнен и на четверть. У бассейна одиноко тосковала инструктор – спортивная девушка в новославянском стиле. Она подняла на Игорька выразительные очи, перекинула толстую косу с плеча на плечо и нараспев сказала:

– Здравствуйте. Могу подобрать вам индивидуальную программу тренировок. Проработка любых групп мышц, коррекция осанки, снижение или увеличение веса. Меня зо-

вут Ванесса, мне будет очень приятно работать с вами.

– Нет, извините, – пробормотал под нос Игорёк, смутился и нырнул. Парень всегда чувствовал себя неловко, когда приходилось отказывать людям в работе. Возможно, сегодня у инструктора он – последний шанс потрудиться.

«Всем не поможешь», – успокаивал себя Игорёк, отплывая от страдающей Ванессы. Без удовольствия накрутил пару километров брассом, прыгнул с вышки и засобирался вон. Покидая бассейн обернулся, извиняясь, развёл руками. Девушка махнула в ответ – ничего, не беспокойся! – и застыла в ожидании следующего клиента или окончания смены.

Магнитоплан стремительно скользил над потоком автомобилей. От скуки Игорёк рассматривал попутчиков. Вот группка школьников после занятий направлялась в развлекательный центр. «В субботу на Луну махнём», – важно вещал смешливой миниатюрной брюнетке лет пятнадцати широкоплечий подросток с жиденькими усами. – «Давай с нами. Покатаемся в центральном Луна-парке... Билеты будут!».

Игорёк почувствовал прилив знакомой тоски и отвернулся от ребят. Летя пять назад, когда он сам пытался вырастить приличные усы и дрожал перед профильными экзаменами в девятый класс, предвкушение полёта на спутник Земли в самый крупный парк аттракционов могло подарить неделю радостной бессонницы любому.

Теперь в Луна-парк школьники возят своих подружек, чтобы заслужить первый поцелуй.

Через ряд от Игорька сидела эффектная пожилая дама. С коротким ёжиком седых волос, в лёгком длинном платье, с жемчугами на шее и в ушах, она напоминала свергнутую королеву. «В театр, – решил молодой техник. – Или в казино: восстанавливать разграбленное революционерами наследство».

Дама, величественно продемонстрировав не знающие хирургического вмешательства морщины, подхватила фирменный пакет с кормом для белок и вышла возле парка. Её осанке могла позавидовать любая фотомоделль.

Откинувшись в удобном кресле, Игорёк прикрыл глаза. Ему не хотелось пялиться в окно, не хотелось переписываться с френдами или смотреть развлекательный фильм через видеосистему трамвая. Администрация городского транспорта объявила Неделю индийского кино. Пляски с перестрелками и песнями вызывали зевоту.

Революций на Земле уже пару веков не случалось. Последний чистокровный король в прошлом году решительно женился на простолюдинке – то ли враче, то ли учёной – и погубил династию. Королевы ему не нашлось.

Об этом даже в новостях рассказывали.

Лора жила однушке-студии. Девушка повздорила с отцом, который не одобрил избранное дочкой поприще военного

историка, и обратилась в администрацию с просьбой предоставить муниципальную квартиру. Какую угодно, лишь бы с балконом.

После переезда отец назвал Лору мерзавкой и прекратил общение. Блудная дочь под предлогом душевной травмы выпросила дополнительные рабочие часы и стала пропадать в библиотеках, изучая бумажные книги и древние газеты. Узнав об этом, отец назвал Лору предприимчивой мерзавкой и пошёл мириться.

Примирение состоялось. Возвращаться домой Лора отказалась. Менять профессию – тоже.

Если бы войны продолжались, то Лора не брала бы пленных.

Игорёк скормил замку отпечаток пальца. Остановился на пороге комнаты, любуясь девушкой, сидящей на балконе в удобном кресле. Лора укладывала чёрные косы в сложную корону, носила шёлковые блузки и грызла стилус, когда читала что-нибудь интересное. А потом ругалась, оттирая электронное перо от помады.

– Пришёл? – поинтересовалась Лора. – Мне две страницы остались, подожди.

– Думаю, – Игорёк отобрал у любимой стилус и планшет, – подождут именно эти две страницы, а не я.

Очень трудно возмущаться, когда тебя целуют. Лора стукнула парня пару раз кулачком по плечу и расслабилась. Рядом с Игорьком не поработаешь. Начинает ревновать.

Диван послушно разложился в спальное положение, зажимы скользнули по рельсам, натягивая свежую простыню. Лора бросила пульт управления на кресло и обняла парня за шею.

Через пять минут погрузился в спящий режим планшет.

Насвистывая прилипчивую мелодию, подтягивая сползающее с бёдер полотенце, Игорёк извлекал из вакуумных контейнеров бутерброды с ветчиной и красиво раскладывал их на большой тарелке. Шумела кофеварка. Утилизатор жадно проглотил упаковку, захлопнул дверцу, зашуршал, измельчая добычу. Надо глянуть, Лора вечно забывает его чистить. Ёмкости с компостной смесью уже переполнены, наверное.

В конце концов, традиция выносить мусор из дома любимой женщины тянется с незапамятных времён. Люди ещё в космос не летали, а мужчины уже несли на помойку вёдра, демонстрируя глубину своих чувств и полезность в хозяйстве.

– Держи, – Лора вышла из душа, уткнувшись в планшет, протянула любовнику бутылёк заживляющего спрея. – Плечи обработай.

Она не стеснялась своей страстной натуры. Девушка выхватила их кофеварки чашечку с ароматным напитком ровно в тот момент, когда упала последняя капля. Отпила крошечный глоток, заняла стул у окна. Всё это Лора проделала, не отрывая взгляда от статьи.

Приподнявшееся было настроение Игорька снова поползло вниз. Он нахмурился и попросил:

– Любимая, отложи планшет.

– Два абзаца, – девушка подняла указательный палец. – Очень интересно.

– Интереснее, чем я?

Лора не торопясь дочитала, сделала отметку, где остановилась, отпила ещё кофе и призналась:

– Военная история мне интереснее кого угодно. Между прочим, автор разбирает предпосылки единственной мировой войны, которая прошла на территории Северной Америки. Формальным поводом послужило...

– Мне плевать, – грубо оборвал любимую Игорёк, – на все войны прошлого. Я считаю, что проблемы живых людей важнее любой истории.

Это означало «Мои проблемы важнее чего угодно. Почему ты с этим не согласна?».

Лора только усмехнулась. Она уже успела поучаствовать в научных диспутах и легко слышала то, что не было произнесено. Девушка закинула ногу на ногу – между полами халата выглянула симпатичная круглая коленка – и вальяжно протянула:

– Разве сейчас у людей есть проблемы? Войн нет, терроризма нет, нищеты нет. Есть пара локальных конфликтов, которые тянутся со Средних веков. Их уже можно рассматривать как часть культурного кода. Человечество избавилось

от самого главного страха – страха перед неустроенным будущим. Неужели это плохо?

Игорёк недовольно нахмурился:

– Людям не хватает рабочих мест.

Лора парировала:

– Уровень жизни от зарплаты не зависит. Можно вообще не работать и есть каждый день чёрную икру.

– Уровень жизни – нет, – парень упрямо сопел, пытаясь разместить бутерброды на тарелке с идеальной симметрией. – А уровень счастья – да. Если у человека нет дела, он несчастен. Слышала новости? Опять растёт кривая алкоголизма. Людям нечего делать и они пьют.

– Зато медикам работы привалило, – Лора допила кофе и отобрала у Игорька бутерброд. – Хватит мучить еду. Где-то убавится, где-то прибавится. Закон сохранения. Итак приходится искусственно притормаживать развитие техники, иначе роботы ещё больше вытеснят людей с рынка труда.

– Ты считаешь, что это нормально?

– По-твоему, нет? Лучше вкалывать каждый день по восемь часов и при этом не знать, чем накормить детей?

– Когда такое было? – не поверил Игорёк.

– Совсем недавно, милый. Совсем недавно. Пару веков назад человек работал от восьми до двенадцати часов в день и при этом рисковал не принести домой зарплату. Потому что в тёмном переулке к нему подошёл бы индивидуум, предпочитающий физический труд умственному. Мог грянуть ми-

ровой финансовый кризис и деньги, накопленные несколькими поколениями, превращались в фантики. А войны за чистую воду? Я изучаю историю и радуюсь, что живу в своём времени. Два века – это совсем немного.

– Разве это жизнь? – Игорёк грустно укусил бутерброд. В последнее время парня часто одолевала меланхолия. Хотелось... неясно чего. Забраться на Эверест? Садись в кабинку подъёмника и езжай с комфортом. Или выбирай трассу подходящей сложности: безопасность обеспечена на высшем уровне.

Можно участвовать в гонках, в боях, спускаться на дно Марианской впадины, клонировать динозавра, сменить пол, пришить хвост, запитать и закодироваться.

Можно всё! Абсолютно безопасно.

От этого хотелось выть.

– Вот смотри, – зашёл с другой стороны парень, – мы с тобой доучимся и поженимся.

– Допустим, – согласилась Лора.

– Получим от муниципалитета общую квартиру. Хочу поближе к парку.

– А я – к библиотеке.

– Может в библиотеке и поселишься? – надулся Игорёк. – Ладно, проехали. Встанем в очередь на рабочее место для ребёнка. Как только подвернётся подходящая вакансия, сходим в центр репродуктологии...

– Я не буду рожать, – сказала Лора.

Сначала Игорёк подумал, что ослышался:

– Не будешь? А зачем тогда жениться?

– Теперь уже сама не знаю, – разозлилась девушка. – Думала, женятся по любви, а не для детей. Я рожать не буду. У меня интересная работа, график исследований расписан на пять лет вперёд. Не хочу участвовать в диспутах и думать: оппонент мне уступил, потому что я была права, или из-за благоговейного трепета перед беременным пузом!

– Ладно, может, потом передумаешь...

– Не передумаю!

– Людей на Земле меньше миллиарда! – возопил техник-наладчик. – На одного человека приходится десять роботов! А ты рожать не хочешь?

– Ах ты, луддит недоделанный, – Лора величественно выпрямилась и строго запахнула халат, – За счёт моей матки свои комплексы потешить хочешь? Не нравится на Земле – вали отсюда. Где космовокзал помнишь?

– И свалю! Свалю! – заорал Игорёк, не беспокоясь о том, что их дикие крики разносятся по окрестностям через открытые окна. Лора ненавидела фильтр-проветривание и распахивала рамы настежь. – Спивайтесь тут, вымирайте на радость роботам! А я... я... А я вам всем покажу!

– Штаны надень перед уходом, – Лора презрительно фыркнула и отвернулась. – Показывать он собрался...

В комнате со включенной шумоизоляцией и затемнён-

ным окном хорошо страдалось. В замкнутое пространство не проникал привычный домашний шум: мамины шаги по кухне, рёв обожаемого папой футбола по телевизору, тихое гудение бытовой техники. Игорёк посмотрел на часы, встал с кровати, открыл дверь, пинком отогнал от порога пылесос, заперся и снова лёг. Страдать дальше.

Лора – эгоистка. Устроилась с комфортом в своём маленьком мирке, читает про ужасы прошлого и радуется спокойной скучной жизни. Специально себя пугает, чтобы не видеть проблем вокруг. А проблемы есть. Не может не быть. Иначе с чего Игорьку так плохо?

На тумбочке ожил унифон, спроецировал над собой светящуюся надпись «Иди ужинать». Мама знала, что бесполезно стучаться в комнату к сыну, когда у него меланхолия. Женщина немного тревожилась: приступы стали учащаться. Раньше Игорька накрывало раз в полгода, теперь почти каждый месяц. Попросить отпрыска сходить к психологу? Так буркнет в ответ «Зачем?» и расстроится, что его не понимают.

Сделаем вид, что всё в порядке. Ничего не происходит. Вытянется – выдурится. Самый возраст мечтать о подвигах. О славе.

Да где эти подвиги найти?

Игорёк прошёл на кухню. Мама заказала любимые блюда сына: курицу в апельсинах, салат и жареный рис. Пахло праздником, над тарелками поднимался аппетитный парок.

– Что за повод? – недовольно спросил парень.

– Ты уже полгода работаешь, милый, – мама взяла сына за руку, повела к столу. – Мы с папой тобой очень гордимся.

– Было бы чем гордиться, – горько вздохнул Игорёк и оторвал курице ногу. – Я учусь на инженера, а по сути выгребая мусор. Подчиняюсь роботам, которые выполняют сложные и интересные ремонты. Отчитываюсь перед программой за переработку. Робот может настучать на меня врачам и сдать в санаторий на принудительный отдых! Разве об этом мечтало человечество на заре времён?

Мама растерянно молчала. Папа с досадой крикнул, перелил пиво из банки в бокал и неловко пошутил:

– На заре времён о такой курочке человечество только мечтать и могло.

– Вот! – Игорёк ткнул в сторону родителя обглоданной костью с ошмётками румяной кожицы. – Жрём, пьём, деградируем. Курице рады! Где? Где подвиги? Где свершения? Куда мне деться, куда? Если тишь да благодать... А я действовать хочу! Душа горит!

Жирным кулаком юноша ударил себя в грудь.

– Ну, не только тишь и благодать, – папа попытался урезонить разошедшегося сына. – Рабочие на астероидных рудниках бастуют...

– Бастуют? – Игорёк задумался. – У них проблемы?

– Выходит, что да. Не было бы проблем, не бастовали бы. Верно?

Счастливо заулыбавшись, парень сел за стол, нагрёб на тарелку риса и салата, оторвал курице вторую ногу. Потянулся, чмокнул маму в щёку:

– Спасибо за праздник!

– Ох, – растаяла женщина. – Кушай на здоровье, милый.

– Пива? – заговорщически подмигнул папа.

– Совсем чуть-чуть, – милостиво кивнул Игорёк. Принял бокал, пригубил, отставил. Посмотрел на родителей с вызовом:

– Много пить не буду, а то в пути плохо станет. Я еду на рудники!

Каждый из нас хоть раз в жизни терялся в чужом районе. Многие помнят чувство отчаяния, идущее из глубины души, когда взгляд скользит по одинаковым домам, перекрёстки равнозначны донельзя, узкие дороги ведут в тупики, проходных дворов нет. И пусто. Почему-то в такой момент прохожие исчезают с улиц. Не к кому спешить со всех ног с отчаянным криком «извините-пожалуйста-где-здесь-остановка». Единственное желание – сбежать, скрыться, вернуться в родной район и не выходить из него никогда!

Потом паника отступает. Из глубин разума всплывает хладнокровный неандерталец, умеющий ориентироваться в густом лесу по солнышку и пению птиц. Он смотрит во круг через глаза беспомощного горожанина, и тихонько толкает человека разумного кремнёвым копьём изнутри: «Что

орёшь? Вон там срезаешь угол и выходишь к метро».

Вернувшись в безопасность знакомых улиц, мы забываем о том, кто помог нам найти дорогу. Хвалим свой разум, вспоминаем о существовании электронных карт и умных гаджетов. И долго не рискуем вернуться в место, ассоциирующееся теперь со стыдом и испугом.

Для человечества роль неандертальца в освоении Космоса сыграл популярный фантаст, сочинивший формулу «мгновенного прыжка». А может быть, гениальный учёный, увлекающийся творчеством писателя. А может быть, миллионер-изобретатель-филантроп, оплативший авантюрный проект. В итоге, набор забавных слов и символов оформили в программу, которую скормили роботу-разведчику. Умную машинку вывели на орбиту, учёный нажал чёрную клавишу.

Робот исчез.

Через два дня вернулся.

Записи чёрного ящика удивляли. Во-первых, самим фактом своего существования. Во-вторых, выходило, что за двое суток разведчик успел добраться до Сатурна и обратно, как и предсказывалось в книге. Снимок колец в профиль прилагался.

Формулу признали достоянием человечества. Книжки фантаста расхватывались как горячие пирожки, вне зависимости от содержания. Гениальный учёный стал миллионером. Изобретатель-филантроп – миллиардером. Человечество, только-только начавшее колонизацию Луны, – покори-

телем Космоса.

Как и любое гениальное изобретение, формула работала по собственным законам. Сколько не бились учёные, им не удавалось указать конкретную точку прибытия. Можно было только менять в программе несколько цифр и посылать разведчика снова и снова. Расшифровывать записи чёрных ящиков и решать: нужно ли людям срезать угол в том направлении?

Для гражданских лиц было доступно всего несколько трасс, проверенных и безопасных. Туристические маршруты вели к Сатурну, Юпитеру и Марсу. От иллюминаторов конструкторы ракет отказались в самом начале, поэтому пассажиры довольствовались невесомостью, видами на огромном экране и сувенирами. На стабильных орбитах разместили станции-курорты.

В будущем обещали пешую прогулку по красной планете, но этот проект только разрабатывался.

Коммерческий маршрут вёл к поясу астероидов. Космические камни содержали редчайшие вещества, которых на Земле и со стакан не наскребалось. Трасса «Земля – Пояс», фигурально выражаясь, не зарастала никогда. Добыча полезных ископаемых позволила построить огромную станцию для вахтовиков и авантюристов. Её называли Космодом.

Здание космовокзала – сталь, стекло, зеркальный бетон – казалось крошечным на фоне стартовой площадки, запол-

ненной белыми сигарами челноков. Сверхскоростной магнитоплан замедлился, давая пассажирам рассмотреть пейзаж, и нырнул под землю. Станцию спроектировали на минус третьем этаже. В целях безопасности, конечно.

Игорёк с рюкзаком за спиной побежал к эскалаторам. Торопиться не было нужды, его вагон стартовал через два часа, но сидеть на месте не было никаких сил.

Билет парень урвал предпоследний, в девятый плацкартный вагон. И это повезло, иначе бы пришлось ещё неделю ждать. Повезло, что на работе пошли навстречу и оформили внеочередной отпуск. Повезло, что до сессии – два месяца.

Игорёк полагал, что ему хватит двух недель. Он докажет всем, что нет никакой благополучной жизни. Есть проблемы! Есть! Такие, что человечество решить не может. А Игорьку они по плечу!

– Пассажиры девятого вагона поезда «Земля – Пояс» приглашаются к посадке...

Акустика в зале ожидания была настроена выше всех похвал: приятный голос диктора словно промурлыкал индивидуальное приглашение прямо Игорьку в ушко. По загравку щекотно пробежали мурашки. Парень поёжился и вместе с попутчиками направился через стеклянные двери к автобусу.

Посадка в вагон-челнок много времени не заняла. Снова потянулось томительное ожидание. От нечего делать Игорёк стал рассматривать своих соседей. Мужчины и женщины

перешучивались, обсуждали какой-то контракт, вспоминали общих знакомых. Игорёк стыдился своего неуместного интереса, но прислушивался. Из негромкого гула можно было вычленить отдельные реплики:

– ...написал прямо на Церере, представляешь? Заставили мыть и оплачивать перерасход топлива...

– Опять дополнительную квоту требуют?

– ...нормы выработки...

– А нам оставить?

– ...торопиться нельзя...

– Да на всех хватит!

– Администрация не готова к компромиссам...

– Дёрнули досрочно, наверное, пятый пункт...

По всему выходило, вагон захватила новая смена вахтовиков. Только по диагонали от Игорька разместилась девчонка, никак не вписывающаяся в компанию шахтёров-астероидников. Тоненькая, рыжая, с милыми веснушками на переносице, она тоже внимательно прислушивалась к трёпу рабочих.

Девушка перехватила взгляд Игорька и улыбнулась. Парень поспешно отвёл глаза, стал внимательно рассматривать наклейки с картинками-инструкциями. Значит, индивидуальная полка, пятиточечные ремни безопасности застёгиваются сложным замком в районе пупка, вставать нельзя...

Щёки почему-то были горячими-горячими.

По проходу между полками прошла проводница в фор-

менном лёгком скафандре тёмно-синего цвета. На шлеме сияла эмблема: маленький серебряный паровоз среди звёзд.

– Уважаемые пассажиры, рады вас приветствовать. Через двадцать минут наш вагон будет переведён в вертикальное состояние для совершения взлёта. Полки автоматически сложатся в стартовую позицию, чтобы обеспечить вам максимальный комфорт и безопасность. Выход на орбиту займёт семь минут. В течение часа вагоны будут объединены в состав. Затем к нам присоединится ракета-толкач и начнётся путешествие к Поясу. Возможны незначительные перегрузки...

Пока звучала запись инструктажа, проводница проверяла, все ли пассажиры застегнули ремни и включили систему жизнеобеспечения. Игорёк на всякий случай убедился сам, что воздух подаётся исправно, а стабилизатор давления готов к работе. Эти функции жизненно важны. Остальное – ерунда.

Залоговая стоимость скафандра и делала билеты запредельно дорогими. Игорьку пришлось выгрести свой счёт до дна и ещё у родителей одолжиться. Вернувшись на Землю, он сдаст скафандр и получит деньги обратно. За вычетом амортизационного коэффициента.

Медленно и плавно полка сложилась в комфортное кресло. Молодой путешественник устроился полулёжа, подтянул ремни, не доверяя автоматике до конца. Он сам инженер, в учебнике видел, какие последствия бывают, если полностью

полагаться на роботов. Техника не бывает идеальной.

Немного потрясло. Качнуло. Вне зависимости от положения ракеты-вагона, кресло сохраняло вертикальное положение. Перед глазами оказалась спинка передней полки. Пассажиры спокойно переговаривались с соседями. Кто-то храпел. Рыжая девушка дождалась, когда погаснет лампочка под картинкой с перечёркнутым планшетом, вытянула гаджет из кармашка-рюкзачка на животе и углубилась в чтение.

Игорьку захотелось, чтобы она читала что-то интересное, важное, а не просто развлекательный роман. Ещё парень надеялся, что симпатичная попутчица снова посмотрит на него и улыбнётся.

Снова потрясло. Потяжелела голова, грудь сдавило как на американских горках. Перехватило дыхание. Грудь сдавило ещё сильнее, словно в детстве, когда бабушкин безобразно раскормленный Барсик искал местечко поудобнее и устраивался поверх одеяла.

Сдавило виски. Потом грудь отпустило, зато в желудке появилось противное сосущее чувство. Накатила тошнота. По центру вагона, отталкиваясь руками от спинок кресел, плыла проводница. Она внимательно вглядывалась в лица пассажиров.

«Невесомость, – понял Игорёк. – Мы на орбите».

Сглотнул пробки в ушах и ответил на заботливый вопрос проводницы:

– Да, всё хорошо. Тошнит немного.

– Через пять минут закончатся манёвры и вы сможете воспользоваться санитарной комнатой.

Проводница уплыла дальше.

Вагоны на орбите состыковывались не как на Земле – один за другим, – а бок о бок. Запись процесса была выложена в свободный доступ: скачивай и любуйся.

Никто из шахтёров не стал отстёгиваться от полок, вернувшихся в предстартовое состояние. Переговоров стало поменьше, зато похрапывания и посвистывания доносились со всех сторон. Мучимый тошнотой, дезориентированный Игорёк позавидовал бывалым путешественникам.

– Почему нельзя сделать один большой корабль? – пробормотал парень себе под нос. – Не пришлось бы целый час на орбите болтаться.

– Большой корабль – дорого, – отозвалась рыжая соседка. – И больше рисков. Если повредится один вагон, то пострадают только люди, которые в нём находятся. Остальные ракеты смогут продолжить путь, пока будет проводиться спасательная операция.

– Откуда такая информация? – удивлённо вытаращился Игорёк. – Ты служишь в космических войсках?

– Просто опыт, – пожала плечами девушка, насколько это было возможно в скафандре. – Друг из «небесных паровозов» рассказывал.

– Ах, друг... – искатель проблем испытал острое чувство разочарования.

Рыжая лукаво улыбнулась:

– Просто хороший друг.

– Уважаемые пассажиры, проверьте, надёжно ли застёгнуты ваши ремни...

– Толкач цепляют, – пояснила соседка с симпатичными веснушками. – Сбоку от первого вагона. В компьютере толкача – программа с координатами.

– Я знаю, – Игорёк упрямо рассматривал потолок над своей полкой. – Я смотрел проморолник.

– Прости, – девушка улыбнулась. – Ты не выглядишь опытным путешественником. Я – Ирина, но друзья зовут меня Огневушка-Поскакушка. Будешь вечером в баре? Это традиционная встреча новичков.

– Буду, – пообещал Игорёк, ошеломлённый оригинальным прозвищем.

– Тебя-то как звать?

– Игорёк... Игорь.

– Встретимся у барной стойки, Игорь.

А потом они прилетели.

Не было никакой «изнанки пространства», «гиперпереходов», «скачков сквозь материю вселенной». Даже свет не мигнул. И тошнотворная невесомость никуда не делась. Просто акустическая система сообщила:

– Поздравляем пассажиров с удачным перемещением к Поясу астероидов. Состыковка со станцией начнётся через десять минут с головного вагона...

– Джона можно не будить, – сказал кто-то. – Высадка часа на два затянется.

Высадка заняла больше трёх часов. За это время Игорёк купил у проводницы обед и вынужденно посетил санитарную комнату. Высасывать борщ из упаковки оказалось весело. Пользоваться удобствами в невесомости – не очень.

Игорёк успел вздремнуть, скачать и изучить карту станции, разыскивая бар. Заведение называлось «Под сенью звёзд» и размещалось в пятом отсеке.

Космодом был самой крупной колонией человечества за пределами Земли. Луна – не в счёт. Там работали, там отдыхали, порой кутили по два-три дня, но там не жили. Туристические станции обслуживались десятком людей, менявшимися каждый месяц, и роботами.

В Космодоме можно было провести год, если хватало средств оплачивать фильтрацию воздуха и чистку воды. Затем требовался отдых и реабилитация на Земле, чтобы восстановился измученный невесомостью организм.

«Если женщин так мутит все девять месяцев беременности, – думал Игорёк, неуклюже проплывая к выходу из ракеты-вагона, – то неудивительно, что рождаемость падает».

В общей массе пассажиров, тянущейся муравьиной цепочкой вдоль лееров у стены, парень добрался до общего зала между третьим и четвёртым отсеком. Обосновался в свободной нише почти под самым потолком. И застыл в мучи-

тельных размышлениях.

Ну вот, он на станции. Что дальше? Где проблемы, которое не может решить счастливое человечество?

Рядом с ним спокойно плыли и висели в невесомости разные люди: молодые и постарше, мужчины и женщины. Одни, держась за многочисленные стропы, невозмутимо переодевались в личные скафандры. Это было запрещено, но так поступали многие. Кто-то переговаривался, кто-то стоял и молчал.

Чего они ждут?

Незаметно толпа упорядочилась, разделилась на две равные половины, создав коридор от входа в зал до выхода.

Человек, стоявший ближе всех к люку, сказал:

– Ведут.

Коридор расширился. Люди у стен вежливо помогали соседям поймать стропы и убраться от центра зала.

В зал вплыла группа шахтёров. Человек двадцать. Игорёк сразу понял, что это шахтёры. Только у шахтёров могут быть настолько потрёпанные тяжёлые скафандры для свободного перемещения в космосе.

– А, смена! – ядовито воскликнула женщина в жёлтом скафандре. – Явились – не запылились. Понабежали, как только про свободные места услышали. Вас тоже выкинут отсюда, когда вы попытаетесь поднять голос. Никто не сможет быть свободным в свободном космосе!

Показалось Игорьку, или разъярённая ораторша действи-

тельно так мощно дышала, что вздымался тяжёлый скафандр на полной груди? Шлем изнутри покрыли капельки слюны.

– Маришка, успокойся, – безнадёжно протянул следовавший за бунтовщицей усталый мужчина. Тёмные подглазины обрамляли острый хрящеватый нос. Неопрятная борода навела на мысль, что человек давно уже перестал заботиться о своей внешности.

– Не успокоюсь! – ораторша попыталась грозно топнуть ногой, забыв о невесомости. Её подбросило вверх, легко приложило о потолок.

– С чего я должна подчиняться жестянкам? – орал жёлтый скафандр, зависнув над толпой.

Усталый мужчина подобрал строп, ведущий от леера, подпрыгнул, зацепил за пояс бунтовщицу и стал аккуратно спускаться. Маришка сопротивлялась, размахивала руками и пронзительно вопила без слов.

В зале появились новые скафандры – ярко-оранжевые с зелёными полосами. С ловкостью дельфинов, они обтекли шахтёров, захватили бунтовщицу с бородатым помощников и в считанные секунды вынесли из зала.

Женские вопли вскоре стихли.

Стремительность представителей администрации неприятно поражала. Игорёк представил, как возглавляет восстание, добивается справедливости... А потом приплывают оранжево-зелёные хищные дельфины и выносят его со станции.

– Всё, готова Маришка. Больше её в Космодом не пустят, – рыжая Ирина висела рядом с Игорьком и смотрела вслед шахтёрам, покидавшим зал. – Может, вообще на Земле запрут. Бедолага.

– Что... Кто... – парень попытался сформулировать правильный вопрос. – Это что такое было?

Девушка с веснушками весело улыбнулась:

– Так ты не против выпить?

Бар «Под сенью звёзд» был замурован глубоко внутри пятого отсека и окружён такой мощной защитой, что посетителям разрешалось снимать шлемы. Иначе бы терялся весь смысл питейного заведения, верно? Барная стойка – множество небольших шкафчиков с лотками – занимала стену от пола до потолка. Рядом была установлена конвекционная печь и станция регидратации с холодной и горячей водой.

– Много нельзя, пьяных в Космодоме не любят, – объяснила Огневушка-Поскакушка, вернувшаяся от бармена с двумя небольшими коробочками, похожими на упаковки детского сока. – Но по бокалу вина мы себе позволим. За встречу!

Игорёк глотнул через трубочку и поморщился. Вино оказалось приторно-сладким.

– Если ты пробудешь в невесомости дней десять, то ощущение вкуса изменится, – правильно поняла его гримасу рыжая.

– Не уверен, что здесь задержусь, – признался пареньь.

– Так ты не шахтёр-новичок?

– Я... сам не знаю.

Игорёк никак не мог решить, что стоит рассказывать новой знакомой, а о чём лучше умолчать. Он осмотрел бар. В заведении не было столов в привычном понимании. По всему залу возвышались невысокие колонны. К ним посетители пристёгивали себя страховочными ремнями. Упаковки с напитками и едой крепились к верхушкам колонн липучками.

Было странно видеть, как человек от неловкого жеста закручивал сам себя или отлетал от друзей, которые притягивали его обратно к колонне. Движения людей напоминали колыхание водорослей в прибое.

– Скажи мне, – попросил пареньь, – в новостях говорили, что на рудниках беспорядки, шахтёры бастуют. Эта Маришка... Она всё устроила? Кого мы сегодня видели? Почему их вели под конвоем?

– Не бойся, – неправильно истолковала его интерес Ирина, – тебе ничего не грозит. У Маришки изменения в психике начались, она уже в третий раз такое устраивает. Хочет жить в космосе, не возвращаясь на Землю.

– И что ей мешает?

– Пятый пункт жилого контракта. Каждый космодомец регулярно проходит медосмотр. Если есть отклонения, то контракт прекращается досрочно. Больного отправляют на Землю первым же рейсом.

– Каждый кто? – не понял Игорёк. – Шахтёр?

– Космодомец, – объяснила Огневушка. – Житель Космодома. Есть наёмные рабочие, а есть частные лица. Покупают скафандры на свои, сами ковыряются на астероидах. Что нашли – сдают приёмщикам. Администрация их обычно не трогает.

Игорёк снова глотнул мерзкого вина.

– Я не знаю, что делать, – признался он. – Я поссорился с родными. Они считают, что у человечества больше нет проблем. А мне плохо. И Маришке с её товарищами, получается, тоже плохо. Значит, проблемы есть, но они какие-то не такие.

Не торопясь допив вино, Ирина спрятала пустую упаковку в контейнер в колонне и спросила:

– Тебе плохо?

– Да.

– Ты искал проблемы?

– Да.

Девушка отцепила страховочный ремень:

– Я забронировала комнату недалеко от бара. Пойдём ко мне.

Целоваться в невесомости – смешно. Излишний пыл отталкивает партнёра в прямом смысле – приходится ловить за руку и подтаскивать к себе, снова находя губами губы. Тела неловко барахтаются в воздухе, стараясь прижаться как

можно ближе. В комнате темно, окон нет, да и какие окна в космосе? Горит только небольшая круглая лампа над закрытым люком, тускло, скорее напоминая, что выход – здесь, но кому сейчас нужен выход...

Ирина высвобождается из скафандра одним длинным движением, Игорь всё возится и возится, пытаясь раздеться и ласкать одновременно. Девушка отстраняет парня, помогает ему. Одежда висит в воздухе одним комком, смятая, отогнанная в угол. Скафандры соприкасаются, медленно двигаясь к стене.

– Сейчас, сейчас, – Ирина дрожит, манит за собой. Она плотно прикрепляет себя к лееру и крепко берётся за поручень сверху. Движения девушки стремительны и умелы. Игорь сначала теряется, но потом обнимает стройное гибкое тело. Чувствует, как его обвивают сильные ноги, и устремляется вперёд.

Заниматься сексом в космосе сначала странно, а потом разум отключается.

Огневушка не стала отстёгиваться сразу. Только притянула Игоря поближе, обняла. Уткнулась лбом в плечо. Растрёпанные рыжие волосы защекотали парню лицо.

Где-то на дне души саднило. Игорь погладил нежную спину и признался:

– Кажется, мне стало только хуже.

– Прости, – в голосе девушки не было раскаяния. – Я сей-

час уйду. Комната оплачена до утра, спальный мешок в шкафу. Как крепить его, сам разберёшься.

– Ты...

– Да. Я за этим и прилетела. Мне тоже плохо. На Земле у меня муж и дочь.

Игорь не удивился. Он подозревал, что случайная любовница старше его чуть ли не вдвое.

– Большой дом, маленький бизнес, – продолжала Ирина. – У нас есть собака – мохнатая, весёлая. И почти полгигабайта рецептов на антидепрессанты. Я ела таблетки пачками. Утром – чтобы проснуться, днём – чтобы существовать и что-то чувствовать, вечером – чтобы заснуть. Я люблю мужа, люблю дочь, люблю наш дом и даже нашу собаку, хотя она вечно прячет оладьи в кровать. Я просто не люблю свою жизнь. Однажды я сорвалась и прилетела сюда. Искала космос, искала свободу, искала что-то новое. Напилась в баре и пошла в комнату с каким-то шахтёром. На следующее утро вернулась первым рейсом, но... я полгода смогла продержаться без таблеток. Мне было стыдно, гадко и больно, я ни в чём не призналась мужу, но я чувствовала жизнь каждую минуту. Когда всё снова стало серым, я купила билет до Космодома. Поскакушка – не самое приятное прозвище. Мне его дали то ли в пятый, то ли в шестой прилёт.

– Давай останемся здесь вместе, – Игорь сам не знал, насколько он серьёзен. – Я тоже не нашёл, чего искал.

– Нет, – Ирина покачала головой. Рыжие пряди заструи-

лись в воздухе словно под водой. – Разве ты не понимаешь? Мы не нашли друг друга. Это случайность. Даже вместе мы будем самими собой.

– И нам будет плохо?

Ирина пожала плечами. Медленно-медленно, чтобы не потревожить невесомость:

– Конечно.

– Я не знаю, что делать, – пожаловался Игорь. – Космос меня разочаровал. Люди зря сюда стремились.

– Космос тут ни при чём. Просто люди остались людьми, – тихо-тихо прошептала Огневушка. – Человек принёс в космос самого себя со всей своей звериной историей за плечами. Нет, космос не плох. Он – зеркало для каждого. Не стоит в него заглядывать. Иначе ты увидишь свою неутолимую тоску.

– Что нужно сделать, чтобы обрадоваться отражению? – Игорь ждал ответа, как откровения свыше.

– Не знаю. Продолжать искать. Верить. Не останавливаться. Но сколько потребуется сил?

– Я...

– Всё, – оборвала любовника Поскакушка. – Я уйду.

Игорь не помогал ей одеться. Когда люк закрылся, парень достал из шкафа спальный мешок.

Обратный билет Игорь купил легко.

– Тебя не было всего три дня, а ты так повзрослел, – мама любовалась вернувшимся сыном. Стол снова украшала курица в апельсинах, салат и жареный рис. Папа разливал пиво. Сегодня Игорю полагался полный бокал.

Парень смотрел на весёлые пузырьки, на капельки конденсата и вспоминал приторное вино в детской упаковке с трубочкой.

– Всех бунтовщиков победил? – папа радостно ухмылялся. Сын дома, целый и невредимый. Не страдает неизвестно почему, не кричит непонятные лозунги. Рассеянный только немного.

– А? – вынырнул из воспоминаний Игорь. – Без меня справились.

– Зато космос посмотрел, – утешила мама.

Игорь вспомнил бесконечные переходы из отсека в отсек, изолированные вагоны, странный бар.

– Ага, посмотрел.

– Лора о тебе спрашивала. Кажется, она переживает.

Игорь пожал плечами:

– Схожу к ней завтра.

Можно сходить к Лоре, помириться. Можно досрочно вернуться из отпуска и приступить к бессмысленной работе. Можно просмотреть записи лекций и начать подготовку к сессии.

А ещё можно участвовать в гонках, спуститься на дно Марианской впадины, клонировать динозавра, сменить пол,

пришить хвост, запитать и закодироваться. Лишь бы не думать о людях, ищущих в космосе что-то новое, но находящих в межзвёздной пустоте только себя.

– Хочу сменить профессию, – твёрдо сказал Игорь, преврав отца, разглагольствующего о победах любимой команды. – Для испытателей новых маршрутов квоты ведь нет? Берут всех желающих?

Пусть мусор убирают роботы. Игорь будет смотреть зеркало космоса, пока не увидит отражение, которое ему понравится.

Конец.

Февраль – март 2021.